

Гоголевский текст как концепция чтения

Уразаева К.Б.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

Мақалада гогольдық мәтінге көзқарас мәдениеттанулық тұжырымдар дерегі ретінде дәйектелді. Гогольдік мәтін мәдениеттанулық тұжырым ретінде зерттеу жағынан қарағанда имплициттік оқырманға және эксплицитті түсіндіру формасына лайықты болып шықты. Гоголевтік мәтін тек қана оқырманның басым ролін анықтап қоймай, мәтінді оқуға мифологиялық кілт ретінде оқу актісін көруге мүмкіндік беретіні көрсетілді. Бұндай қадам оқу актісін түсіндіру ерекшеліктеріне қарап, оқырманның түрін анықтауға мүмкіндік береді. Оқу мифологемасы өзектендірілді. Ол оқу мен оқырман түрлерін синтездейтін концепт ретінде қарастырылды.

The article demonstrates the view of Gogol's text as a source of culturological construct. Gogol's text as a culturological construct has been favoured from the point of view of the study of the implied reader and of explicit forms of expression. It is shown that Gogol's text not only determines the modelling role of the reader, but also allows us to distinguish the act of reading as a mythological key to the reading of the text. Such an approach has allowed us to bring to light the conditionality of the reader's typology by the characteristics of the interpretation of reading. The mythologeme of reading is made actual, and this is examined as a concept synthesizing the typology of reading and the typology of the reader.

Распространенное в современной науке понятие *гоголизации*, когда «цитата с непреложностью рождает мощное ассоциативное поле» [1], позволяет обосновать новый взгляд на гоголевский текст как источник культурологической концепции. Правомерность такого подхода подтверждает *человек читающий*, как один из актуальных контекстов прочтения гоголевского текста. Проблема была поставлена Ю.М.Лотманом [2–3], исследована Дечкой Чавдаровой [4] и составляет одну из ярких страниц гоголеведения.

Гоголевский текст как культурологическая концепция содержит богатый материал для исследования имплицитного читателя и эксплицитных форм выражения. Он не только определяет моделирующую роль читателя, но и позволяет выделить акт чтения как мифологический ключ к прочтению текста. Такой подход выявляет обусловленность типологии читателя особенностями интерпретации акта чтения и актуализирует для нас *мифологему чтения*. Она рассматривается как концепт, синтезирующий *типологию чтения* и *типологию читателя*.

Читатель — адресат текстовой стратегии. У каждого этапа гоголевской истории души — свой тип чтения и свой читатель, определяемые текстовой стратегией.

О возможности реконструкции воспринимающего сознания как типа читательского восприятия Ю.М.Лотман писал: «Читательское восприятие — всегда истолкование» и: «Изучение этого явления представляет двойной интерес: оно позволяет реконструировать структуру воспринимающего сознания и раскрывает те стороны авторской системы, которые делаются более явными в процессе переведения ее читателем в иную систему «кода» [2; 616]. Интерпретация акта чтения — основа для описания типологии читателя. В интерпретации акта чтения для нас значимым было читательское сознание гоголевского героя. Такой подход создает предпосылки для изучения доминирующих коннотаций гоголевского чтения. Исследование гоголевского героя как читателя, анализ литературного сознания в контексте культурных отсылок и аллюзий способствуют раскрытию особенностей воспринимающего сознания. Объект цитирования, характер цитирования, функциональная значимость цитат, эволюционирующих в аллюзии, отражают сущность отмеченного феномена *гоголизации*.

По-прежнему не теряют актуальности идеи Лотмана о «сознательных антидиалогах» гоголевского текста в «Ревизоре» [3; 228] и синтезированных в образе Чичикова персонажей, завещанных пушкинской традицией (светский романтический герой (вариант — денди) и разбойник). Лотман обозначил пародийное развитие линии Германна из «Пиковой дамы» к гоголевскому Чичикову, сходство которого с Наполеоном было для ученого не случайным [3; 88]. Ю.М.Лотман отметил ассоциации, которые вспоминаются в связи с Чичиковым, и особо выделил в их ряду пушкинскую цитату [3; 277,278]. Это следующие ассоциации: Чичиков — романтический герой светского плана; Чичиков — романтический разбойник; Чичиков — антихрист.

Интересна отмеченная выше пародийная линия: Чичиков — Наполеон. Лотман замечает, что образ не исчерпывается литературной пародией. Чичиков — антизлодей, антигерой, антиразбойник,

человек, лишенный признаков («ни толстый, ни тонкий») — оказывается истинным антихристом тем, кому предстоит завоевать весь свет. Исследователь выявляет второй ряд ассоциации: фамилия Копейкина и его лозунг «Копи копейку». Гимн копейке — единственное родовое наследство Чичикова.

Песни о разбойнике Копейкине, «воре Копейкине» в записях П.В.Киреевского были известны Гоголю. Ученый допускает и возможность использования в качестве источника устной легенды о солдате Копекникове, который сделался разбойником поневоле. Существенна для Лотмана и еще одна деталь отношения Копейкина к Чичикову. Копейкин, герой антинаполеоновских войн, и Наполеон — антитетичные фигуры. Синтез и пародийное измельчание этих образов порождает «героя копейки» Чичикова. Зло дается не только в чистом виде, но и в ничтожных его формах. В этом же ряду такой пародийный факт гоголевского текста: кучер Селифан именуется коня Бонапартом.

Гоголевский текст вступает в своеобразный диалог с пушкинским текстом и в другой полупародийной параллели, отмеченной еще А.Белым: Чичиков — Коробочка. Это отношение: Германн — старая графиня [3; 803]. В.Набоков отметил другую ассоциацию, связанную с Коробочкой: «Заметьте, что имя единственной помещицы в книге — госпожа Коробочка (вспомним страстное восклицание Гарпагона «Ma cassette» — «Моя шкатулочка») [5; 91].

Ассоциативность пушкинской цитаты с гоголевским текстом прослеживается в параллели: «Отец семейства холостой» и фрагмента об Иване Ивановиче в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Детей у него не было. У Гапки есть дети и бегают часто по двору. Иван Иванович всегда дает каждому из них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу» [3; 668].

Примеры Ю.М.Лотмана приведены не только в качестве иллюстрации явления гоголизации как переключки с предшествующей и последующей литературной традицией, создания поля аллюзий и коннотаций, но и с точки зрения типов читательской стратегии, когда Гоголь-читатель формирует особый художественный мир с приметам пародийного снижения.

Анализ культурологического характера гоголевского текста актуализирует выявление претекстов как источников цитат, осмысление автоцитации как приема текстовой стратегии, анализ *чужого слова* в контексте распознаваемых и скрытых цитат, отношение Гоголя к предшествующей литературной традиции.

Актуальность темы определяется не только возможностью прояснения современной ситуации в полемике точек зрения на природу позитивной и негативной антропологии Гоголя в аспекте моделирующего сознания, но и состоянием культуры сегодня. Бесконечный круг смыслопорождений гоголевского текста являет все новые и новые контексты смысломоделирования. И казавшиеся очевидными и бесспорными идеи начинают восприниматься полемическими и требующими уточнения. Вместе с тем две точки зрения, перекрестившиеся в пространстве гоголевского текста, — Ю.М.Лотмана и Д.Чавдаровой — являются определяющими для понимания концепта чтения как неомифологического ключа к художественному миру Гоголя.

Проблема *человек читающий* в аспекте концепции антимира исследовалась Дечкой Чавдаровой. Рассматривая «чтение» с его коннотациями «познание», «духовность», имеющими особую ценность, исследователь находит знаковым для мира Гоголя отсутствие этой ценности, или ее травестирование, уточняемой как знаковость минуса.

Аксеологический подход как открытие антиценности, или отрицательной ценности (в терминологии Тыщика это также «отсутствие позитивной ценности»), оценка отсутствия чтения, или пародийного чтения как антиценности, привели Чавдарову к анализу семантики слова «читать». Применительно к гротескному миру художественного произведения впечатление абсурда создается не безграмотностью, а отсутствием чтения при способности чтения, а также наличием чтения без постижения смысла текста, замечает ученый. Применение к поэтике Гоголя термина «позитивная ценность» позволяет исследователю Чавдаровой видеть ее проявление не только в отсутствии книги в пространстве, в котором обитают персонажи, но и в мотиве «недочитанной книги», придающем гротескный характер изображенному миру.

Исследователем учтены результаты болгарского исследователя Н.Георгиева, обратившегося к травестированному образу цитирующего слуги из романов Сервантеса или Диккенса. Вводя понятие «семантической конгруэнции», Чавдарова включает чтение, сон, еду в один ряд. «День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную заветку».

В «Ревизоре» чтение чужих писем для ученого, с одной стороны, аллюзия о цензуре, с другой — травестированное выражение любознательности. Интересны отмеченные исследователем коннотации

газеты — чтение Поприциным «Северной пчелы». Для анализа гоголевского текста и типов читательской стратегии важна функция текстов массовой культуры. Так, Чичиков читает роман мадам Жанлис, дочь городничего из «Ревизора» — роман Загоскина «Юрий Милославский». Чичиков рассматривает в библиотеке Кошкарева сочинение по мифологии как эротическое: «нескромные мифологические картинки», «такие картинка нравятся». Чавдарова отмечает несоответствие между прошлостью героев и характером текстов, которые они читают, ссылаясь на работу С.Карлински, замечаящего, что Акакий переписывает, Поприцин читает поэзию, плохую, посещает театр, читает газеты, интересуется текущей политикой [6].

Кроме «Мадам Лавальер», Чичиков знает также Гете, цитирует послание Вертера к Шарлотте, председатель палаты знал наизусть «Людмилу» Жуковского. А почтмейстер «вдался более в философию и читал весьма прилежно, особенно по ночам, *Юнговы Ночи*» (здесь игра слов: читал по ночам «Юнговы ночи»).

Чавдарова отмечает интертекстуальные возможности гоголевского текста. Гоголь отсылает не к первоисточникам, а к другим произведениям русской литературы, в которых чтение упомянутых авторов имеет важное значение, например, к прозе сентиментализма и к творчеству Пушкина. «Подобная интертекстуальная связь предопределяет восприятие чтения персонажа Гоголя как пародийного образа чтения сентиментального героя или читающего персонажа Пушкина» и «Герои Гоголя используют текст как бытовой атрибут» [4; 63]. Почтмейстер читает Юнга, как Петрушка — химию.

«Художественный текст не имеет формирующей человека роли, он представляет собой элемент моды, как фрак или фестончик. Интересно также и то, что персонажи Гоголя, когда захотят продемонстрировать свою начитанность, не цитируют, включая чужое слово в собственную речь, а рецитируют, что актуализирует значение «механическое повторение» [4; 63]. Так, Собакевич засыпает, когда Чичиков читает послание в стихах Вертера к Шарлоте.

Такого рода рецитация — квазичитаты Пушкина в письме анонимной дамы Чичикову, псевдоцитаты Хлестакова (анализировал Н.Георгиев), идентификация Чичикова «просто приятной дамой» с героем популярного в России романа Вульпиуса Ринальдо Ринальдини, сочетание романтического разбойника и бытовой фразы.

Столь пространное цитирование работы Чавдаровой обусловлено полемическим отношением к выводам исследователя, построенным по линии оценки приведенных примеров. Мнение Чавдаровой о том, что в гоголевском тексте нет прямых цитат из чужих текстов, так как ему присуща литературная полемика с чужой поэтикой, столь характерная для Пушкина, в сопоставлении с идеями Лотмана утрачивает свой пародийный смысл. Во-вторых, рассматривая антимир Гоголя, когда культура превращается в некультуру, чтение героев — в акт, лишенный ценности и смысла, Чавдарова констатирует акт чтения как физиологический.

Для нас безусловность присутствия физиологических коннотаций, отмеченная болгарским ученым, — часть, ипостась мифологемы чтения, не являющаяся определяющей. Концепт чтения, осмысленный как акт чтения в экспликации чтения как результата литературной традиции, шире факта культуры, создает модификации текстовой стратегии, различающиеся в циклах произведений Гоголя.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» в фигуре вымышленного персонажа Рудого Панько реализуют стратегию эстетического романтизма. Моделирующая роль читателя обусловлена статусом рассказчика в духе фольклорной поэтики. Нарративная природа текста и ориентация на освоенные фольклором приемы повествования, так же как объект рассказывания, исключают ситуацию чтения. Вместе с тем тип повествования означает функциональное усиление читателя. Первоначальный замысел — писать для развлечения — атрибутирует читателя как восприимчива авторской установки. Формирование в цикле идеи «прекрасного человека» предполагает пассивность читателя как участника художественной коммуникации.

В цикле «Миргород, повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки» текстовая стратегия заявлена в *продолжении* как жанровой атрибуции. Преемственность по отношению к «Вечерам» означает и преемственность типа повествования, и типа текстовой стратегии, исключая чтение. Здесь модель имплицитного читателя выражена более интенсивно. Кризис соборности, черты апостасии обусловили единство цикла при внешнем конфликте текстовых стратегий. Вопросы веры и души не только ключевые, но осмыслены в поле различных ассоциаций. В «Старосветских помещиках» апелляция к миру духовных ценностей моделирует образ читателя-христианина, в повести о Тарасе Бульбе — патриота. В «Повести о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем» травестирирование создает концепцию антимира на основе пародийных моделей и

апеллирует к читателю, воспитанному социальной сатирой, и имплицитный читатель вовлекается как зритель за счет авторских обращений и восклицаний: «Скучно жить на этом свете, господа!» и ностальгии по Миргороду. Читатель не дистанцирован, а вовлечен в этот мир, как равноправный член миргородского общества. Мистико-инфернальная стихия «Вия» актуализирует другого читателя. Сценичность, постановочность, четкость встроенных декораций воскрешают традиции литературы видений и предполагают читателя со сложившимися взглядами на веру.

Круг чтения в «Мертвых душах» предполагает читателя — гоголевского современника. Культурные отсылки и аллюзии реконструируют культурную картину эпохи. Основной способ интерпретации чтения — пародия. Выбор пародии обусловлен распознаваемостью, прозрачностью семантики объекта чтения. Читатель гоголевского текста не только современник, но, прежде всего, русский человек, чуткий к лингвистическим фактам. Гоголевский ономастикон — это особый пласт художественного мира. Имена героев обладают семиотической значимостью, тяготеют к глубоким обобщениям. Таковы имена сыновей Манилова: Фемистоклос (имя греческого полководца) и Алкид (Геркулес). Собакевич называет губернатора и вице-губернатора «Гога и Магога».

Знаменита 14 страница книжки Манилова. Не менее значимо, что он читает «Сын Отечества» — журнал, основанный в 1812 г.

Ноздрев — «исторический» человек в поэме. С этой оценкой контрастирует мотив шарманки. «Шарманка играла не без приятности, но в середине ее, кажется, что-то случилось: ибо мазурка оканчивалась песнею: «Мальбруг в поход поехал», а «Мальбруг в поход поехал» неожиданно завершался каким-то давно знакомым вальсом. Пародийное сочетание старинной французской песни и балаганного инструмента, воскрешающего культуру райка и народного театра, ориентировано на читателя, знакомого с бытом русской провинции. Неустроенность, походная жизнь провинциального бретера, с репутацией своего рода шута и скомороха, шаржирует образ Ноздрева и исключает акт чтения в его культурной коннотации.

Мифологема чтения реализована в «Мертвых душах» в системе коннотаций, отражающих принцип симметрии в композиции поэмы. Это коннотации: *состояние, свое и чужое, власть, мифология ада, господин — слуга, пародирование чтения, псевдочтение* гоголевских героев. Особняком в гоголевском тексте представлены литературные коннотации-аллюзии. Выражено и отношение Гоголя к массовой литературе как проблема литературного вкуса и эстетических предпочтений.

Коннотация *состояние*. Гоголь достигает пародийного снижения в параллелизме состояния замечтавшегося двадцатилетнего юноши: «он в небесах и к Шиллеру заехал в гости» с веселым расположением духа Чичикова, спешащего на бал к губернатору. *Шиллер* — мифологема, основа фразеологизма. Комическая коннотация: русская и немецкая культура, *свое и чужое* как игра смыслами обыграна Гоголем и в одной из петербургских повестей (см. ниже).

Коннотация *власть*. Чичиков отправляется в гражданскую палату совершать купчую. Он не боится опоздать, потому что председатель, подобно древнему Зевесу Гомера, персонифицирует власть. В палате один из священнодействующих «приносил с таким усердием жертву Фемиде, что лопнули на локтях рукава, и оттуда давно лезла подкладка, за что и получил в свое время коллежского регистратора». Здесь прозрачна аллюзия, реконструирующая классические образы сатирической журналистики XVIII в.

Коннотация *мифология ада*. Упомянутый выше стряпчий «прислужился нашим приятелям, то есть Чичикову и Ивану Антоновичу (Кувшинное рыло), как некогда Вергилий прислужился Данту». Роль проводника по аду наделяет эсхатологический мотив силой сатирического разоблачения. Происходит моделирование читателя, обладающего прогностической, провиденциальной силой: демонизация Чичикова предвещает духовную катастрофу.

Коннотация *господин — слуга*. Петрушка «имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник — он все читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он. Но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения». Слуга — зеркальный двойник господина, пародирующий чтение.

Коннотация *пародирование чтения*. Чичиков читает оторванную по дороге в гостиницу в день приезда афишу. Чичиков читает женский роман «Герцогиня Лавальер» (роман Жанлис). В этом же ряду беседы Чичикова и характер его понимания светского обихода. «Чичиков рассказывал блондинке случившиеся историйки, даже коснулся было Диогена». Почтмейстер читает «Юнговы ночи» —

поэму английского поэта первой половины XVIII в. и «Ключ к таинствам природы» — религиозно-мистическое сочинение немецкого писателя Эккартсгаузена. Псевдоочтение гоголевского героя — аллюзия на эзотеричное чтение как объект пародирования.

Особняком в гоголевском тексте представлены литературные коннотации-аллюзии. Так, Ринальдо Ринальдини — герой романа немецкого писателя Вульпиуса. Романтизация Чичикова, сравнение с благородным разбойником в воображении женского общества губернского города — это пример двойного разоблачения: мнимо-литературного общества и мнимого героя. Здесь отношение Гоголя к массовой литературе выявляет проблему литературного вкуса и эстетических предпочтений.

В «Повести о капитане Копейкине» Копейкин очутился в столице и испытал чувство потрясения. Состояние передано метафорой «некоторое поле жизни» при помощи образа сказочной Шехерезады. Пародирование восточного стиля как романтической перспективы также выражает сущность *гоголизации* в аспекте мифологемы чтения.

Гоголь внимателен не только к фактам современной журналистики. Он упоминает «Московские ведомости» как факт культурного сознания. В применении к героям претензия на передовое мышление обретает характер парафраза. Гоголь чуток к приемам саморазоблачения. Ориентация на читателя — сторонника просвещения являет новый пример снижения античной мифологии. Учитель Павлуши Чичикова «был большой любитель тишины и хорошего поведения... а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хотя он *Солона* заткни за пояс!» Так говорил учитель, не любивший *Крылова* за то, что он сказал: «По мне уже лучше пей, да дело разумей». Отсутствие семантической связи между двумя самохарактеристиками учителя активизирует образ читателя с демократическими взглядами. Использованный Гоголем прием *цитата в цитате* обнаруживает авторитетность *чужого слова*. Интересно, что и для самого Гоголя со временем стала безусловной авторитетность *своего* слова. Так, Гоголь сознавался Жуковскому в одном из провалов: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее». Это был период, когда он написал «Предисловие ко второму изданию «Мертвых душ», «Развязку Ревизора». В этом признании для нас примечательна автокоммуникация: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее».

В типологии читателя важен собирательный образ. О жителях города: «прочие тоже были более или менее люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости, кто даже и совсем ничего не читал». Алогизм, или парадоксальная логика, усиливает пародийность чтения как факта мнимой просвещенности.

Для гоголевского текста характерно разрастание коннотации чтения до коннотации культурного текста, включающего в себя чтение и читателя как рановеликие субстанции. В «Петербургских повестях» статус читателя укрепляется и выстраивается в системе иных культурных отсылок и аллюзий. Такова перуджинова Бианка — образ Мадонны с фрески «Поклонение волхвов» итальянского художника Пьетро Перуджино в часовне Санта Мариа Деи Биянки. Об ученых и воспитанных людях: «Они любят потолковать о литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А.А.Орлове». Орлов — автор лубочных, нравоописательных книжек для народа.

Автор упоминает «Филатки» — бессменный репертуар. Это популярные в 1830-х гг. водевили из простонародной жизни «Филатки с детьми» П.И.Григорьева и «Филатка и Мирошка» П.Г.Григорьева.

Пирогов превосходно декламировал стихи из «Дмитрия Донского» (трагедия В.А.Озерова. — У.К.) и «Горе от ума». В превосходной декламации героя заключена его неспособность к творчеству. Соседство Озерова и Грибоедова, если вспомнить историю литературной борьбы первой четверти XIX в., усиливает пародийный смысл культурного уровня гоголевского персонажа.

Пирогов в погоне за незнакомкой попадает в квартиру немецкого мастера: «Перед ним сидел Шиллер — не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, — не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера». Смехотворность ситуации создается не только картиной внезапного появления Пирогова, прервавшего лишение носа Шиллера Гофманом, но и образом столяра Кунца: «Все эти достойные ремесленники были пьяны как сапожники». Гротескная образность осложнена литературной аллюзией: русская и немецкая культура.

Пирогов прочитал кое-что из «Северной пчелы» — успокоился. Также его «успокаивают» пирожные из немецкой кондитерской. Известно, что у Гоголя нет мелочей. Они имеют всегда онтоло-

гический статус. Это типично гоголевские оговорки, обнаруживающие текстовую стратегию и формирующие отношение Гоголя к литературной традиции. Во вторую редакцию «Портрета» в 1842 г. Гоголь ввел теорию, касающуюся природы и законов изящного. Чертков задумывается: «Что русский народ заглядывается на *Ерусланов Лазаревичей, на объедал и обпивал, на Фому и Ерему*, это не казалось ему удивительным... но где покупатели этих пестрых, грязных масляных малеваниц? Кому нужны эти фламандские мужики, эти красные и голубые пейзажи». Курсивом Гоголь обозначает позицию в диалоге с читателем. Понимание эстетики, философия прекрасного коренятся для писателя в аксиологии русской культуры.

Квартальный сравнивает страшный взгляд старика на портрете с Громобоем — героем одноименной баллады (1810) В. Жуковского, который продал душу дьяволу. Чертков потрафляет вкусам заказчика: «Кто хотел Марса; он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ему байроновское положение и поворот. Коринной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он с большой охотой соглашался на все». Коринна — героиня одноименного романа (1807) французской писательницы де Сталь, Ундина — героиня одноименной поэмы (1837) Жуковского, Аспазия (V в. до н.э.) — гречанка, славившаяся красотой и умом. Понимание красоты как основной задачи искусства формируется в гротескном ряду высокого и низкого.

«Казалось, в нем олицетворился тот страшный демон, которого идеально изобразил Пушкин». Отсылка к стихотворению Пушкина «Демон» отражает типологическую близость дьяволического дискурса Гоголя: романтическая перспектива принимает характер трагического возвышения, демонического величия.

В «Петербургских повестях» статус читателя укрепляется и выстраивается в системе иных культурных отсылок и аллюзий. Такова перуджинова Бианка. Примечательно имя Орлова — автора лубочных, нравоописательных книжек для народа. Автор упоминает «Филатки», популярные в 1830-х гг. водевили из простонародной жизни. Курсивом Гоголь обозначает позицию в диалоге с читателем. Понимание эстетики, философия прекрасного коренятся для писателя в аксиологии русской культуры. Отсылка к стихотворению Пушкина «Демон» в повести о художнике отражает типологическую близость дьяволического дискурса Гоголя: романтическая перспектива принимает характер трагического возвышения, демонического величия.

Повесть Гоголя «Шинель» интересна в рамках рассматриваемой проблемы традициями православно-ономастикона. Подбор имени героя, перипетии и сюжетные линии осуществлены по линии пародирования житийной литературы. Архетипы православного сознания воскрешают пантеон святых русского средневековья. В «Записках сумасшедшего» пародирование принимает характер имитации больного сознания. Герой «читал Пчелку». Коннотация *Северная Пчела-Пчелка* — это переключение автора в систему мышления персонажа. Имплицитный читатель — прямой результат чтения, сниженного до фамильярной игры.

В «Ревизоре» особенно много цитат из Карамзина. Воспринимающее читательское сознание отражает специфику гоголевской полифонии. Так, Хлестаков при первом появлении насвистывает сначала из «Роберта», потом «Не шей ты мне, матушка», наконец, ни се ни то. Здесь комическое столкновение читателя массовой литературы, фольклорной эстетики (песня невесты, как у Чичикова, женский текст) и аллюзия на сатирическую журналистику XVIII в. («Ни то, ни сию»). Ретардация в гоголевском стиле приводит к функции плеоназма как речевой коммуникации, подразумевающей равенство мыслимого и действующего персонажа.

Типично гоголевский прием — введение *чужого слова* в реплики персонажей. В мифологии чтения следует выделить значение фольклорной поэтики. *Птица-тройка* трижды встречается в поэтике Гоголя. В «Ревизоре» символично не только залхватское: «Эй вы, залетные» Хлестакова, но и голубой коврик, напоминающий сказочный ковер-самолет, уносящий со сцены героя. Аллюзию фольклорного волшебного крылатого коня воскрешает Поприщин. Смеховая поэтика Гоголя обнаруживает свою антропоцентричность в перспективе оксюморонных столкновений.

Один из уровней читательского сознания — это эпиграф. Фольклорный вариант автокоммуникации обнаруживает, в сравнении с «Вечерами», новую роль пре-текста. Писатель моделирует читателя — активного в полемике о культурных ценностях.

Итак, выявление текстовых стратегий и соотношение экспликаций чтения и типологии читателя позволяют убедиться в том, что Гоголь моделирует тип своего читателя. Полифония стиля, структурируемого смеховой поэтикой, отсылками и аллюзиями, отношением к литературной традиции и фольклорной поэтике, отражают разные виды текстовых стратегий и модификации имплицитного читателя.

Список литературы

1. Немзер А. Современный диалог с Гоголем // Новый мир. — 1994. — № 5. (Электронный ресурс) // Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/5/nemzer-pr.html
2. Лотман Ю.М. Карамзин. — СПб.: Искусство-СПБ, 1997. — 832 с.
3. Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство-СПБ, 1995. — 847 с.
4. Чавдарова Д. Антимир Гоголя и «читающий человек» // Homo legens в русской литературе XIX века. — Шумен: Аксиос, 1997. — 142 с.
5. Набоков В. Николай Гоголь // Набоков В. Лекции по русской литературе. — М.: Наследие, 1998. — С. 31–136.
6. Karlinski S. The Sexual Labirinth of N. Gogol. — Cambridge, 1976. — P. 118. (Цит. по: Чавдарова Д., 62).

УДК 82

Календарный пасхальный цикл в русской поэзии

На материале поэзии Б. Пастернака и В. Набокова

Флёрко Л.В.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

Мақалада Б.Пастернак пен В.Набоковтың өлеңдері үлгісінде орыс поэзиясындағы күнтізбелік пасхалды цикл қаралады. Ақындардың шығармашылығында Пасха күнтізбелік символикасына арналған бірқатар өлеңдерін бөліп көрсетуге болады. Пасха күнтізбелік мерекесі күнтізбелік әдеби поэзияда авторлық цикл мен «жинақталмаған» циклды құруға негіз болатын цикл жасаушы фактор болып табылады. Автор тиісті пасхалды туындының негізгі мотивтерін, архетиптерін, пасхалы бейнелер жүйесін, көркем символикасын жеке сипаттап көрсетеді.

The article discusses the calendar Easter cycle in the Russian poetry on the material of poems by Boris Pasternak and Vladimir Nabokov. In the work of poets one can identify a number of poems focused on the symbolism of the Easter calendar. Easter holiday calendar appears to be a cycle-forming factor — the basis for a copyright and «non-assembled» cycles in the calendar of literary poetry. The author points out the basic motives, archetypes, the system of Easter images, details, topoi, color symbolism, relevant to the product of Passover.

Календарная литература — это развившийся с древности и сложившийся к концу XIX в. пласт русской литературы, в которой принято выделять святочные, рождественские, новогодние, крещенские и пасхальные тексты. Календарная проза, особенно святочные рассказы, уже достаточно изучена в современном литературоведении. Календарная литературная поэзия, напротив, ещё не стала предметом подробного исследования. Само понятие календарной лирики известно только обрядовому фольклору, а в литературе этот термин употребляется редко.

Е.Душечкина, которая впервые обратила внимание на разрушение фольклорного текста, приходит к выводу, что «календарная словесность, её природа и жанры, её особенности, обусловленные временем функционирования, изучена далеко не достаточно. Более всего обращала на себя внимание исследователей народная календарная поэзия, иначе называемая «поэзией календарных праздников». Обрядовые песни, которые исполнялись в течение зимних праздников (подблюдные колядки, щедровки), весенние песни (веснянки), сопровождавшие обряд заклинания весны, песни, связанные с обрядностью Ивана Купалы, собраны и изучены глубоко и обстоятельно. Однако календарная словесность далеко не ограничивается поэзией народного календаря. Аграрный (сельскохозяйственный) календарь — лишь один из календарей, которые обычно функционируют в той или иной культуре одновременно и параллельно друг другу» [1; 7].

В основе календарного времени лежит цикличность многих природных явлений, движение по кругу: смена дня и ночи, смена четырёх времён года, двенадцатимесячный годовой цикл. В основе мифологического времени календарного праздника также лежит цикличность: из года в год повторяются праздники, повторяются их традиционные особенности — обряды и приметы. В мифопоэтиче-